

ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8
EDN: ELGUVQ

О возможностях институционального анализа казачества в рамках теорий социального конструктивизма

Ссылка для цитирования: Пузанков И. А. О возможностях институционального анализа казачества в рамках теорий социального конструктивизма // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8; EDN: ELGUVQ.

For citation: Puzankov I. A. A Social Constructivist Approach to the Analysis of the Institutional Order of Modern Cossacks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8; EDN: ELGUVQ.

**Пузанков
Илья Андреевич¹**

¹НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

iapuzankov@hse.ru

SPIN-код: 9114-3054

Аннотация. В данной работе предложен конструктивистский взгляд на институциональную природу казачьей общности и составляющих казачьей идентичности в целом. Автор опирается на концепции П. Бергера, Т. Лукмана и Р. Брубейкера. Современное российское казачество представляется как динамичная социальная общность, формирующаяся под влиянием исторических традиций, вызовов времени и новых институциональных условий, что оказывает значительное влияние на ее идеологическое и социальное самоопределение в российском обществе. Автор рассматривает политико-правовые, культурно-исторические, экономические и образовательные аспекты казачьей общности, выявляя ключевые механизмы легитимации социального знания и некоторые составляющие казачьей идентичности. Формально закрепленный порядок рассматривается как результат внешней проекции (экстернализации) акторов и основа для интериоризации норм казаками. Наряду с этим акцентируется значимость культурного знания в социализации, которое действует в рамках институционально закрепленных норм, задающих векторы развития сообщества. В исследовании подчеркивается акцент на стремление к исторической преемственности социокультурных форм казачества в современных условиях, в результате чего значимая часть социального знания подвергается релегитимациям и переинтерпретациям. В результате начавшегося в конце 1980-х годов процесса возрождения казачества как социальной общности, оно сейчас представляется формализованной структурой, интегрированной в государственную систему, со значимыми ролями в современных общественно-политических процессах. Особое внимание уделено взаимодействию реестрового и нереестрового казачества, анализу нормативных актов, регулирующих деятельность казачьих обществ, и влиянию

религиозных, образовательных и медийных институтов на формирование коллективной идентичности казаков. Рассматриваются механизмы воспроизводства традиционных казачьих практик, а также их адаптация к современным социальным и политическим вызовам. Работа также затрагивает перспективу участия казаков в СВО, что способствует восстановлению исторического статуса казачества как военной силы. Отмечается, что, несмотря на различия между реестровыми казачьими обществами и казачьими НКО, отсутствие жестких барьеров между ними может способствовать их интеграции и консолидации.

Ключевые слова: казачество, социология, реестр, институциональный порядок, легитимация, идентичность, социальный конструктивизм, СВО

Введение

Современное казачество, начиная с позднего СССР до сегодняшнего дня прошло значимый путь от организации военно-спортивных или военно-исторических клубов, до вполне институционализированных региональных, федеральных и международных организаций. А после событий мая 2014 и особенно февраля 2022 г., в ситуации СВО, оно обрело свое реальное военное бытование в формах добровольческих казачьих подразделений. Несмотря на существенный прогресс в интеграции казачьей общности, сохраняется ряд проблем в связи с пониманием его идентичностной компонентности, что в основном выливается в дискуссии о родовой, этнической природе казачества и, с другой стороны, социальной и социокультурной [14; 5]. С точки зрения конструктивистского¹ подхода к пониманию групп (в том числе этнических) данный вопрос будто бы снимается, о чем может свидетельствовать сам исторический путь казачества и периодически проходивший процесс показачивания² [23; 18; 16]. Ниже более детально рассмотрим данный вопрос, здесь же стоит отметить, что на примере казачества можно наблюдать то, что Ф. Барт [28] называл «культурным знанием», а также – символический порядок и его границы. В данной работе мы рассматриваем институциональный уровень знания в социально-конструктивистском смысле или, конкретнее, институциональный порядок в социальной общности казачества. Для этого нами анализируются его организационные формы, где, с одной стороны, существует реестровое казачество³, а, с другой, крупнейшие нереестровые организации: Союз казаков (бывший Союз казаков России) и Союз казаков воинов России

¹ Методологическая позиция, подразумевающая несуществование (др. подход: непостижимость) объективно данной реальности и предполагающая ее постоянное конструирование в процессе взаимодействия индивидов.

² У термина существует несколько значений, общая суть их сводится к записи в казаки (часто не по личному выбору, а в силу акта государственной власти) лиц, не имеющих до этого таких статусно-ролевых и идентификационных позиций.

³ Группа казаков составляющих систему казачьих обществ, несущих добровольную государственную и иную службу на основании ФЗ РФ № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» от 5 декабря 2005 г.

и Зарубежья (СКВРиЗ)¹. Интерес к данному предмету обусловлен тем, что конструирование общности в значительной степени происходит в ходе институционализации в результате идеологически заданных социально-политических процессов в рамках соответствующих социальных институтов [14]. Вместе с тем, институциональная структура той или иной общности позволяет выделить предъявляемые вовне и запрашиваемые у ее членов составные идентичности, позволяющей выделять общность из всего многообразия социального ландшафта. В этом случае можно вычленить и существующие институциональные основания социализации членов общности, т. е. те существующие входы, которые институционально предъявлены для лиц, мотивированных быть включенными в данную общность.

Обзор литературы по проблеме

С учетом активного участия казачества в современных социально-политических процессах России оно становится значимым объектом анализа для истории, социологии, политологии, антропологии и других социальных наук. Оставляя за рамками нашего внимания исследования истории казачества до его возрождения в конце XX в., отметим корпус работ, сосредоточенных на современных процессах возрождения казачества как социальной общности. Можно выделить среди них работы Т. В. Таболиной [21], В. П. Водолацкого [7], Н. Ф. Бугая [5], О. В. Рвачевой [17], А. В. Фалалеева [25], А. В. Бредихина [3], в которых авторы комплексно рассматривают процессы и ключевые направления возрождения казачества, обращаясь к анализу организационных, правовых, политических, этнокультурных, экономических, служебных и др. аспектов процесса становления казачества, как институционально организованного субъекта социально-политической действительности. Ряд авторов занимались исследованиями, посвященными этнополитическим конфликтам, экстремизму и роли казачества в данных процессах; таковыми можно выделить С. М. Маркедонова [11], С. А. Кислицына [10], С. В. Усатова [24], А. В. Баранова [1], Г. О. Мациевского [12] и др. Отдельно упомянем исследования, посвященные проблематике казачества с точки зрения социального конструктивизма – работы М. А. Рыбловой [19; 20], А. А. Озерова [13] и О. В. Рвачевой [17]. В них рассматриваются вопросы конструирования социальной идентичности казачества, этнического конструирования, сложносоставности самоидентификации казаков. Они являются методологическими ориентирами использования конструктивистского подхода к исследованию казачества. В целом, на сегодня имеются исследования казачества по целому ряду направлений, которые подробно раскрываются в диссертации О. В. Рвачевой [16]. Основные из них – это политическая активность казачества, хозяйственная деятельность казачьих обществ, исследование роли и функций казачества в современном обществе, вопросы

¹ Часть казачества остается за пределами организаций, потому, выпадает из поля нашего зрения, предполагающего институциональный взгляд.

служебной деятельности казачества, аспекты социокультурного возрождения и конструирования новых культурных явлений, проблемы казачьего образования и вопросы идентичности казачества. Отметим интерес зарубежных авторов [26; 31; 27], которые, рассматривая также проблемы идентичности, видят казачество преимущественно как «военно-политический проект» — инструмент государства для решения внутренних и геополитических вопросов¹.

Несмотря на существенную проработку отдельных направлений исследовательских вопросов в отношении современного казачества, оно остается актуальным объектом исследования, в том числе для социологического осмысления его институционального порядка, как раз в виду своей активной деятельности, представленности во властных структурах, институциональной связи с различными социальными институтами, участия в СВО, репрезентации в медиа и т. п.

Теоретико-методологические основания исследования

В качестве теоретико-методологических оснований для рассмотрения институционального порядка современного казачества нами будет использован социально-конструктивистский подход социологии знания (как продолжение традиции конструктивистского взгляда на данную социальную группу). Ниже мы коснемся вопроса об эвристическом значении этого подхода для изучения современного казачества. Само знание здесь рассматривается как некая совокупность реальности или, как это называют П. Бергер и Т. Лукман [2], «универсумы», воспринимаемые в качестве объективной реальности. Иначе говоря, все, что кажется естественным в социальной жизни, когда-то возникло из взаимодействий между людьми. Этот процесс двоичен: знание интернализуется как само собой разумеющееся и одновременно воспроизводится через экстернализацию, оставаясь подвижным и изменяемым: «Знание об обществе является ... реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности» [2, с. 111]. Для того, чтобы знание воспринималось естественной данностью ему необходимо пройти легитимацию и институционализацию, т. е. оно должно быть объяснено и оправдано. Важно понимать, что легитимация знания приводит к определенному институциональному порядку², который усваивается новыми поколениями в процессе социализации.

¹ «Группы молодых людей воспитываются в соответствии с официальной государственной идеологией, чтобы стать будущей военной и полицейской элитой государства» [27. с. 11].

² Институциональный порядок — это набор социальных конструктов, формирующих реальность через взаимодействие индивидов. Институциональный порядок понимается в тесной связи с понятием социальной роли, т. е. совокупность институциональных социальных ролей их характер и взаимосвязь и являются основой данного порядка: «Все роли представляют институциональный порядок ...роли помогают поддержанию ... интеграции в сознании и поведении членов общества, т. е. они особым образом связаны с аппаратом легитимации данного общества» [2. с. 126].

зации¹. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, легитимации могут происходить на высоком теоретическом уровне, однако, не только и не в большей степени — «на дотеоретическом уровне у каждого института имеется массив знания рецептов, передаваемого по наследству...того знания, которое поддерживает соответствующие данному поведению институту правила поведения» [2, с. 110]. Мы делаем акцент на теоретически осмысленную сферу легитимации, в частности — на формально-институциональный порядок как структурную основу социального знания. Следует подчеркнуть диалектический характер взаимосвязи между легитимацией и ее объектами: с одной стороны, теории легитимируют социальные институты, с другой — сами институты могут адаптироваться под теоретические конструкторы. Легитимации нередко имеют исторический и повторяющийся характер, а традиции подвержены реинтерпретации без разрушения институциональной устойчивости [2, с. 109, 115–116]. Это особенно актуально в контексте казачества, где историческое наследие активно воспроизводится, но — почти никогда в изначальной форме. Социальное знание не является монолитным — оно включает в себя подуниверсумы со своими системами легитимации, акторами и механизмами воспроизводства, зачастую конкурирующими между собой. Это является важным для нашего объекта, так как несмотря на во многом общую символическую систему, современное казачество организационно не является единым сообществом, в первую очередь в своем базовом разделении на реестровое и нереестровое. Реестровое, в свою очередь, разделяется на казачьи войска по территориальному основанию, во многом повторяющему деление в Российской империи. А нереестровое — на объединения, существующие, как правило, в организационно-правовых формах НКО и в юридическом смысле от них ничем не отличающиеся, кроме присутствия в наименовании слов «казак» и его производных. Конкурирующие подуниверсумы особо интересны, когда представляют собой оппонентов в одном культурно-символическом пространстве, в данном случае казачества. Возникает проблема «посвященных» и «непосвященных» в тот или иной подуниверсум, возникают определенные процедуры и механизмы для допуска к знанию, выстраиваются барьеры и т. д. [28]. Во многом вопросы легитимации одних, как «общепринятых», а вторых как «еретиков» или, по крайней мере, «альтернативных» это вопросы власти, хотя в случае с казачеством, картина и не так однозначна. Здесь сложно следовать рекомендации о необходимости «передвинуть вопросы об исторически наличных концептуализациях реальности с абстрактного «что?» к социологически конкретному «кто говорит?» [2, с. 190]. Вопрос «что?» также является важным аспектом анализа субуниверсумов общности для понимания сложившегося институционального порядка, который, будучи результатом процессов легитимации, одновременно сам воспроизводит и легитимирует знание. В работе, опираясь на описанный выше теоретический конструкт и используя ряд нормативно-правовых актов, имеющих

¹ «Легитимация «объясняет» институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям. Легитимация оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер ее практическим императивам» [2, с. 153].

отношение к казачеству, а также материалы СМИ, мы рассмотрим основные положения формального институционального порядка (или, вернее, порядков) современной казачьей общности.

Также дополнительно коснемся конструктивистского подхода к пониманию групп. Данная проблематика имеет достаточно обширную традицию изучения в социальных науках [29; 30; 4]. Суть такого взгляда основывается на отрицании примордиалистского понимания группы, как чего-то самого по себе существующего и относительно статичного, отождествления социальной группы и категории, ее означающей. Говоря языком Р. Брубейкера [4], формирование группы, а если точнее групповости¹ образуется не само по себе, а посредством тонкой политики заинтересованных лиц. Через использование различных категорий (например, этнизации конфликтов, которые могут и не являться этническими по сути) и каналов распространения, заинтересованные лица в результате могут, с различной степенью успеха, мобилизовывать людей, вызывать сплочение, увеличивая уровень групповости по какому-то признаку. При таком подходе к анализу групп, стоит рассмотреть вопросы о «степени групповости, связанной с конкретной категорией в конкретной ситуации, и о политических, социальных, культурных и психологических процессах, посредством которых категории наделяются групповостью» [4, с. 33]. Отметим, что чаще всего за той или иной группой стоят те или иные организации, «представляющие интересы» ее членов. С учетом наличия разной групповости, в нашем случае, сведенной под зонтичную категорию «казачество», существует и конкуренция между организациями, претендующими на право представления интересов тех, кто себя таким образом идентифицирует. Очевидно, что большинство групп, к которым относятся и те, кто понимается под категорией «казаки», являются мнимыми группами в понимании М. Вебера. Свою действительную реальность они чаще всего обретают при именовании группы извне. В этой связи Р. Брубейкер предлагает рассмотреть «организационные и дискурсивные пути категорий — процессы, посредством которых они институционализируются и внедряются в административные порядки» [4, с. 33], а также методологический подход — рассматривать данные процессы как снизу — сосредотачивая взгляд на участниках групп, рассматривая как ими воспринимаются, усваиваются и воспроизводятся категории групповости, так и сверху, что представляет собой анализ способов распространения и насаждения категорий, их институционализацию, организационный аспект, дискурсивную формулировку, как группы становятся социокультурными или политическими проектами основанными на категориях. Это отражает и наш взгляд на институционально-правовую категоризацию как один из механизмов групповости. Стоит акцентировать внимание на особых ситуациях, когда групповость может расти: «драматические события, в частности, могут оживить групповое чувство и повысить ранее существовавшую степень групповости» [4, с. 37]. Для рассматриваемого нами объекта таковым может служить СВО, как событие по крайней мере

¹ «Базовой аналитической категорией должна служить не некая сущность — «группа», а групповость — зависимая от контекста концептуальная переменная» [4, с. 30].

потенциально способное повысить групповость, а также реально обеспечить усвоение ряда милитари-категорий, которые долгое время предписывались и озвучивались, но не имели возможности для реализации на практике.

Основные положения дуальности легитимации знания и выстраиваемого формального институционального порядка, казачьих субуниверсумов с добавлением проблематики мобилизации групповости через категории и актуальные кризисные события позволит рассмотреть запрашиваемые и одновременно институционально задаваемые составные идентичности современного казака, институциональные основания социализации в сообществах, а также интегративный потенциал всей социальной общности. В качестве основных категорий анализа или институциональных областей, будут использованы основные социальные поля общности, такие, как: политико-правовые аспекты общности, экономико-хозяйственный сектор, идеолого-религиозные основания, культурные элементы, реинтерпретированные в современности, а также образовательные и информационные ресурсы.

Институциональный порядок реестрового казачества

Касательно структуры реестрового казачества, в настоящий момент она представляет собой четко выстроенную систему акторов, организаций, институтов, их нормативного содержания, тех или иных отношений с окружающим институциональным контекстом. Здесь не обращаемся к рассмотрению истории формирования существующего институционального порядка, хотя такое исследование именно с позиций социального конструктивизма было бы интересным, остановимся лишь на его текущем состоянии. Высокий уровень унификации формального институционального порядка в реестровых казачьих обществах позволяет обобщить их и анализировать как единое целое (признавая достаточно серьезные различия социокультурных составляющих у разных сообществ, что, при данном анализе незначимо).

Для понимания причин возникновения государственного реестра казачьих обществ, коснемся вопроса определения казачества. Оно имеет достаточно широкий спектр различных пониманий. Встречаются определения казачества как социокультурной, этносословной или квазисословной групп, некоего социального проекта и др. Значимый аспект понимания природы казачества – акцент на этнической составляющей общности. Именно в результате борьбы различных субуниверсумов знания в плане самоидентификации казаков, а также при участии внешних политических сил и возникает существующий организационный ландшафт казачества. Первоначальное движение возрождения казачества, происходящее снизу (grassroots), вскоре было подхвачено властью, которая стала активным актором, во многом модулируя процессы и итоговые формы возрождения общности [17]. Часто это было движение на ощупь, чем и можно объяснить множество законодательных инициатив, которые или вообще не

были в итоге приняты, либо же существенно трансформировались. Как отмечает О. Рвачева, взаимодействие власти и казачества двигалось по двум направлениям: 1) поддержка возрождения культурно-традиционных форм общности, что могло быть рассмотрено как актуализация этнической составляющей казачества (как ключевое направление развивалось до середины 1990-х годов); 2) акцент на некоторых видах государственной службы, как актуализация квазисословной¹ составляющей. Именно второе направление в конечном итоге возобладало в дискурсе власти с середины 1990-х годов и закрепилось как доминирующее с 2005 г. когда был принят ФЗ «О государственной службе российского казачества» и, позже, Концепция государственной политики РФ в отношении российского казачества (2008, 2011 гг.)². В этой борьбе субуниверсумов казачьего возрождения ярко проявляется сложносоставная идентичность казачества, а также сложность с копированием исторических форм его институционального порядка. Подробно сами субуниверсумы знания, процессы легитимации и релегитимации в казачьем и государственном дискурсе, акторы и институциональные формы были разобраны вышеупомянутым автором [16], мы здесь не фокусируемся на процессуальности институционального порядка, а переходим к его современному состоянию.

Государственный реестр уже представляет собой некий институциональный порядок, в котором заключено знание казачества о службе, как ключевой составляющей. Такую внутреннюю диспозицию данный порядок запрашивает у членов сообщества, казаков. В этом смысле важно понимать, что идея службы или служения является нормативной доминантой коллективной идентичности реестровых казаков. Это знание, легитимированное в законодательном акте, институционально ограничивается, выстраивая то, что Бергер и Лукман называли допуском «посвященных» и закрытостью для остальных. Только реестровое казачество имеет право на официальную, поощряемую государственную службу в качестве казаков, другие общественные объединения этого не имеют. Характер предполагаемой службы очерчивается исходя из реинтерпретации исторического прошлого казачества и в первую очередь концентрируется на милитаризованных, охранных и правоохранительных основах содействия соответствующим государственным институтам. Данный порядок закреплён как в ФЗ № 154, так и в Концепции гос. политики в отношении казачества, где законодательная база представляет собой механизм легитимации знания, а государство является основным актором-организацией, стоящей за данной легитимацией. В Стратегии гос. политики РФ в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. дается определение казачества – это «социокультурная общность, сформированная в ходе многовекового служе-

¹ Сословие, все же, как актуальное группообразование в постсоветский период уже не могло быть воспроизведено.

² ФЗ от 5.12.2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»; Концепция гос. политики РФ в отношении российского казачества. Утверждена Президентом РФ 3.07.2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/639> (дата обращения: 11.01.2025).

ния казаков Российскому государству и обществу»¹, что также институционально задает и определяет основы знания о самоидентификации казаков отсекая остальные понимания и задавая вектор движения общности.

Важно, что вместе с этим формальным порядком, выстраивается и определенная система ролей, в первую очередь на федеральном и региональном уровнях. Это находит выражение в различных должностных позициях и организациях, главной из которых можно назвать совет по делам казачества при Президенте РФ. Таким образом, выстраиваются внешние связи одного институционального порядка (казачества) с другим (государством), субуниверсум знания общности включается в национальный универсум. И в случае с казачеством, эта внешняя связь является ключевой для понимания сложившегося институционального порядка реестра.

Дополняя вышесказанное, отметим Указ Президента РФ от 16.09.24 о создании казачьего мобилизационного резерва², что дополнительно институционально легитимирует знание (становящееся статусом) о казачестве как о воинах (идея службы дополнительно маркируется). Таким образом можно сказать, что существующие в различных дискурсах представления о казачестве как о воинах, в свете проходящей СВО, где общность снова представлена в реальной военной практике, путем данной легитимации, институционально обретает основания и закрепляет исторический характер уже не демонстрируемой ранее службы парамилитари и охраны порядка, а именно военной службы в полном смысле.

Говоря об институциональном порядке внутри реестрового казачества, отметим, что реестр представляет собой институционализированную систему организаций в форме воссозданных, в большой степени исторических, войсковых казачьих обществ, которых на данный момент насчитывается 12³. В эти войсковые общества для их большей интеграции и координации было в 2018 г. включено Всероссийское казачье общество (ВсКО), в которое по умолчанию входят все члены остальных войсковых обществ. Это дополнительно усилило включение институционального порядка казачества в порядок государства. Важным показателем этого является то, что устав данного общества утверждается лично Президентом РФ, Атаман общества назначается и освобождается от должности также Президентом РФ, ряд организационных аспектов деятельности ВсКО проводится по согласованию с Советом при Президенте РФ по делам казачества и т. д.

Другим важным составляющим институционального порядка казачества является религиозное знание, организационно представленное, преимущественно Русской Православной Церковью Московского Патриархата

¹ Стратегия гос. политики РФ в отношении российского казачества на 2021–2030 годы. Утверждена Президентом РФ 9.08.2020 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKlDz3Q6T4Yw0rXuMnwCd3YaQzZVLrr.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

² Указ Президента РФ от 16.09.2024 № 794 «О внесении изменений в Стратегию гос. политики РФ в отношении российского казачества на 2021–2030 годы. № 505». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/aIBAN3VtaSy9c52An77ZyAxaLo9V9cuw.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

³ Войсковые казачьи общества: Всевеликое войско Донское, Центральное, Черноморское казачьи войска, Волжское, Енисейское, Забайкальское, Иркутское, Кубанское, Оренбургское, Сибирское, Терское, Уссурийское казачьи общества.

(РПЦ МП), хотя также встречаются казаки-старообрядцы. Такое взаимодействие является результатом переинтерпретации и релегитимации части исторического прошлого казачества, как естественного субуниверсума знания о том, что вера является ключевой доминантой духовного мира казака – «Казак без веры – не казак» [6]. В качестве внешних акторов и механизмов легитимации данного знания отметим существующий в РПЦ комитет по взаимодействию с казачеством¹, возглавляемый митрополитом Кириллом (Покровским), который также возглавляет Синодальный отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами. Это символически и дискурсивно указывает на принадлежность казачества силовому институциональному сектору. Теоретической основой знания и соответствующего институционального порядка отметим Концепцию РПЦ по окормлению казачества². Отметим, однако, что РПЦ распространяет свою концепцию не только на реестровое казачество, но на все казачьи объединения, которые находятся на ее канонической территории. Внутри самого казачества также происходят процессы легитимации религиозного знания, как части институционального порядка общества. В каждом (от первичных, в конкретных поселениях, так и до уровня войскового и всероссийского) казачьем обществе существуют в той или иной мере активные роли войскового священника, обеспечиваются процессы включения духовенства в организационную и ритуальную деятельность казачества³ [15]. Есть различные мнения относительно реальной воцерковленности казаков, однако в данном случае важно, что это знание закрепляется как часть формального нормативно-институционального порядка общности. Наслаиваясь на идею служения Отечеству, оно легитимирует казачество как «Православное воинство России». О чем свидетельствуют нарративные конструкции, встречающиеся как в официальных, ритуальных дискурсах, так и в нарративах самих казаков [16].

Значимым составляющим институционального порядка также является образовательный аспект казачества. Образование одновременно является институциональной структурой, а также и средством легитимации знания внутри сообщества. Устав ВСКО объявляет одной из целей деятельности (уставы войсковых обществ дублируют) развитие непрерывного казачьего образования. Уже создана достаточно широкая сеть организаций, работающих на достижение заявленной цели, существуют казачьи детские сады, школы, кадетские корпуса. Существует казачий университет МГУТУ им. К. Г. Разумовского, также в 2021 г. создана «Ассоциация образовательных организаций высшего образования, реализующих образовательные программы с использованием исторических и традиционных ценностей российского казачества». В данную ассоциацию уже вошли 26 ВУЗов, в том

¹ Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством. URL: <https://www.skvk.org/> (дата обращения: 13.01.2025).

² Концепция РПЦ по духовному окормлению казачества: URL: <https://www.skvk.org/wp-content/uploads/2015/10/concept.pdf> (дата обращения: 13.01.2025).

³ Новости комитета. URL: <https://www.skvk.org/category/news-2/news/> (дата обращения: 17.05.2025).

числе ведущие региональные ЮФУ, КубГУ, КубГТУ, ЗабГУ, РГЭУ (РИНХ), ОГУ и др. фактически охватывающие все войсковые казачьи общества. Таким образом, казачье образование сейчас – главный институциональный механизм социализации, как на первичном уровне, так и на вторичном. С точки зрения социального конструирования общности – данный элемент институционального порядка представляется одним из важнейших в разрезе легитимации субуниверсума казачества. Деятельность в рамках образовательного института является одной из приоритетных на настоящий момент, о чем упоминалось и на пресс-конференции Атамана ВскО В. Кузнецова, в ноябре 2024 г.: «на сегодняшний день на казачьих образовательных программах разного уровня обучается свыше 300 тыс. человек, а также по всей стране открыты 32 кадетских казачьих корпуса¹». Также Атаман Кубанского казачьего войска, крупнейшего на настоящий момент, говорит об уже «качественно выстроенной системе непрерывного казачьего образования в регионе. С малых лет казачатам прививают чувство патриотизма, любви к Отечеству»². Здесь мы также находим определенную систему организаций и, соответственно, ролей. Так в 2020 г. был организован Союз казачьей молодежи России, целями которого заявлены «участие детей и казачьей молодежи в реализации гос. политики в отношении казачества на территории РФ; привитие подрастающему поколению традиционных казачьих морально-нравственных норм и ценностей, воспитание чувства патриотизма и верности Отечеству в казачьей молодежной среде³», возникают ролевые позиции в рамках данного союза. В ряде регионов такие структуры появились еще раньше, например в Краснодарском крае Союз казачьей молодежи Кубани был образован в 2017 г., внутри ВУЗов образуются молодежные казачьи сотни, организуются процессы и мероприятия, направленные на социализацию учащихся и интернализацию складывающейся системы знания, как естественного порядка (регулярные казачьи слеты, конференции и фестивали, конкурсы «лучший казачий класс», «лучшая казачья школа» и др.). Образовательные процессы в современном казачестве также интересны в виду того, что в большей степени, как публично, так и исходя из нормативно предписанных действий, исторически казачество представляется маскулинным сообществом, однако объединения казачьей молодежи включают в институциональный порядок и девушек-казачек. Но несмотря на это, нормативная и ролевая система еще остается более ориентированной именно на казаков-мужчин, и переконструирование этого только предстоит.

Важной частью формального институционального порядка являются также экономическая деятельность казачества. Несмотря на то, что данный аспект, наименее институционально закреплён и практически

¹ Атаман ВскО сообщил, что в зону СВО войдет 26-й казачий батальон. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/22491427> (дата обращения: 13.01.2025).

² Интервью зам. губернатора Краснодарского края, атамана ККВ А. Власова. URL: <https://vsko.ru/intervyu-zamestitelya-gubernatora-krasnodarskogo-kraya-atamana-kubanskogo-kazachego-vojska-aleksandra-vlasova/> (дата обращения: 18.05.2025).

³ Союз казачьей молодежи России. URL: <https://vsko.ru/kazachya-molodezh-rossii/soyuz-kazachej-molodezhi-rossii/> (дата обращения: 13.01.2025).

развит, в отдельных реестровых войсках (например, Всевеликое войско Донское (ВВД) и Кубанское казачье войско (ККВ)) идет активное развитие казачьей экономики. Например, на отчетном сборе ККВ в ноябре 2024 г. губернатор Краснодарского края В. Кондратьев отметил, что по его решению в каждом муниципалитете края в течение года должен появиться казачий рынок: «Необходимо продолжить создавать казачью экономику. Только сильные хозяйства способны стать опорой для казачьих обществ, открыть новые возможности для укрепления самостоятельности ККВ»¹. В различных регионах, даже не традиционно казачьих, региональные власти предоставляют землю казачьим обществам для хозяйственной деятельности. Например, в Белгородской области в 2022 г. был одобрен законопроект, содержащий следующее: «Земельные участки в аренду без проведения торгов будут предоставляться казачьим обществам на территории муниципального района или городского округа, в пределах которого объединение осуществляет деятельность в соответствии со своим уставом... земли должны быть использованы для сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционного образа жизни и хозяйствования казачьих обществ»². Таким образом экономическая составляющая казачества также начинает институционализироваться и закрепляться в предьявляемом знании, которое опирается на историческое прошлое, когда казачество являлось экономически независимой общностью. Отметим, что системности казачья экономика еще не получила, однако есть отдельные примеры успешного хозяйствования казаков и активную институционализацию данного сектора. В данном случае видится то действие легитимации, когда знание (в форме нормативно правовых актов) легитимирует институт, во многом с нуля создавая его.

Отметим собственно специфические институты казачества, которые составляют важнейшую часть институционального порядка сообщества. В первую очередь, это институт самоуправления, категоризованный и представленный в различных формах и ролевых позициях, таких как Казачий круг, Совет атаманов, Совет стариков, Суд чести и др. Все эти формы, закреплены в уставах реестровых обществ. Данные институциональные формы самоуправления и соответствующие им ролевые наборы в основе взяты из исторического прошлого, релегитимированы и встроены в институциональный порядок. В первую очередь, это призвано способствовать интернализации казаками знания об исторической преемственности традиций, правопреемственности нынешними казаками исторических форм казачества, и, в том числе, на аффективном уровне воспроизводить коллективную идентичность общности. Все это дополняется специфическими культурными институтами внутри казачества, которые также обретают свое место в современном институциональном порядке, закрепляясь в нормативных актах, организациях и практиках. Таковыми являются различные творческие песенные и танцевальные коллективы,

¹ В. Кондратьев: России и Краснодарскому краю нужно сильное и сплоченное казачье войско. URL: <https://admkrasnodar.ru/content/1131/show/771178/> (дата обращения: 13.01.2025).

² Аренда госземель для казаков. URL: <https://belduma.ru/news/detail.php?ID=82384> (дата обращения: 13.01.2025).

где одним из самых заметных, является Кубанский казачий хор, который был включен в структуру ККВ (также отметим ансамбль «Казачи России» под рук. Л. Милованова, но это все же художественный коллектив, в казачьи институции не включенный), различные казачьи фестивали регионального и федерального уровней, воспроизводство традиционных ремесел, исторических форм обращения с оружием (фланкировка, рубка, умение обращаться с нагайкой и др.), традиционных видов спорта, джигитовки и др.

Значимую роль в процессе легитимации казачьего субуниверсума также играют СМИ и социальные медиа [22]. Особо эта роль проявляется в регионах, где традиционно проживало казачество. Подробный анализ казачьего присутствия в социальных сетях приведен в работе А. Каменцева [9], здесь же кратко обрисуем данный аспект в его значении для институционального порядка общности. Каждое войсковое общество, а также отдельные организации имеют свои сайты, страницы/каналы в социальных сетях, существуют также информационные порталы казачьей направленности, адресованные безотносительно, реестровым или не являющимся таковыми казакам или просто интересующимся данной проблематикой (например, «Казачий Информационно-Аналитический Центр»¹, «Казачье Единство»², «Российское казачество»³ и др.). Выходят в федеральных СМИ материалы, касающиеся современного казачества (в частности в разрезе СВО), можно, например, вспомнить прошедшую в ТАСС пресс-конференцию атамана ВскО В. Кузнецова, по итогам работы ВскО в 2024 г. Характер присутствия казачества в данном поле, в целом, сопряжен с тем, что было описано выше. Аналогично раскрываются взаимоотношения с Государством, с Церковью, предъявляются результаты деятельности казачества, соотносенные с пониманием государственной службы (в том числе на СВО), представляются экономические, культурные практики и т. д. Таким образом СМИ и социальные медиа – это один из важнейших механизмов легитимации и трансляции знания о современном казачестве и возникающем на его основе институциональном порядке общности как для самих казаков, так и для общества в целом.

Институциональный порядок нереестрового казачества

Аналитически рассмотрев основные элементы институционального порядка реестра – это политико-правовые аспекты статуса, идеологические основания, специфические культурные основы, реинтерпретированные в современности, экономико-хозяйственный статус, а также образо-

¹ Межрегиональная общественная организация «Объединенная редакция казачьих средств массовой информации «Казачий Информационно-Аналитический Центр». URL: <https://kazak-center.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).

² Информационное агентство «Казачье Единство». URL: <https://kazak-edinstvo.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).

³ Портал «Российское казачество». URL: <https://kazachestvo.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).

вательные и информационные ресурсы легитимации знания – взглянем на nereестровую или «общественную» часть казачества. В данной работе мы оставим за рамками людей, идентифицирующих себя как казаков, но находящихся вне какой-либо организации.

В качестве главных примеров nereестрового казачества остановимся на двух указанных выше некоммерческих организациях – это Союз казаков и СКВРиЗ. Рассматривая уставные документы и структуру данных организаций, отметим, что практически все вышесказанное, исключая институциональную возможность государственной службы в качестве казака, присутствует и в указанных организациях. Здесь нам не стоит снова разбирать и во многом дублировать основы институционального порядка nereестровых казаков, они также сфокусированы на идеалах служения Отечеству, развитию казачьей культуры, образовательной деятельности, экономической составляющей и т. д. Однако, вслед за П. Бергером и Т. Лукманом, отметим, что степень возможностей легитимации знания и создания на его основе доминирующего универсума, зависит от ресурсов акторов. В данном случае, большинство ресурсов сконцентрированы именно в реестре, как госструктуре. Но отметим некоторую разницу положения указанных двух сообществ, СКВРиЗ¹ достаточно близко стоит к реестровому казачеству, о чем свидетельствуют многочисленные контакты и наличие институциональных партнерских отношений, также, например, наличие того факта, что казачий генерал и бывший войсковой атаман ВВД, а ныне депутат Госдумы В. Водолацкий является председателем высшего совета СКВРиЗ. Объединение Союза казаков имеет гораздо менее выраженную связь с реестровым казачеством. Одной из главных причин несогласия с реестром в данном случае является выраженный акцент на родовитости, например в положении Союза казаков закреплено, что Верховным атаманом может быть избран только потомственный казак. Это единственная организация, вынесшая этот пункт, как необходимый критерий ролевой позиции². При этом, на обыденном уровне и среди реестра, хотя чаще всего без особой рефлексии на тему этничности³ также наблюдается некое ранжирование «родовых» и «неродовых» казаков. Данный инструмент используется, как легитимация именованья себя как казака без необходимости «становиться казаком». Вторым фактором, хотя напрямую и не касающимся проблематики формального институционального порядка, является то, о чем в одной из бесед сказал один из представителей Союза казаков: «проблема в том, что в основном в реестре работают люди казаками, ... в основном, и они пришли в организацию с корыстью. Но не все, есть и хорошие люди. А общественники – это казаки, которые болеют душой за свою историю и за свою многострадальную землю и хотят жить заветами предков» (Войсковой

¹ Важным отметить, что в реестр могут входить лишь граждане РФ, тогда как в СКВРиЗ могут состоять и иностранцы (напр. потомки эмигрировавших казаков).

² Также это единственная организация, фиксирующая ролевую позицию священника в ряде формализованных казачьих собраний (например, Круг), как обязательную. В уставах реестровых обществ отмечается лишь возможность участия представителей РПЦ.

³ В процессе полевых исследований, результаты которых в данной статье не используются, встречались «родовые» казаки, однако большинство из них на вопрос об этносе, с которым они себя ассоциируют называли русский.

старшина, СК)¹. Здесь мы видим проблему того, что реестр также может восприниматься как социальный лифт и сложившийся порядок эту возможность оставляет, что в каких-то моментах компрометирует его в глазах нереестрового казачества. Однако, достаточно давно, и в последнее время еще более актуализируясь, звучат нарративы о необходимости единства, преодоления сложившейся разобщенности. Конечно, причины существования раскола имеют достаточно глубокие корни, которые необходимо проследивать с истоков возрождения казачества и формирования различных организационных стратегий и форм, но, отметим, что глубоких барьеров институциональных порядков для преодоления раскола в этих двух общностях нет.

Финальным пунктом отметим, важную роль СВО, которую вслед за Р. Брубейкером можно назвать тем самым кризисным событием, которое в потенциале может приводить к повышению групповости и сплоченности людей с одной самокатегоризацией. Известно, что казачьи добровольческие подразделения, комплектуются не по принципу принадлежности к реестру или казачьим НКО, и тем более не по родовому. Об этом, говоря о казачьей бригаде «Терек» portalу Российское казачество рассказывал атаман ВскО В. Кузнецов. Несмотря на то, что формально бригада связана с реестровым Терским казачьим войском, в ее составе воюют представители других реестровых обществ, а также казаки вне реестра: «Для меня абсолютно нет разницы – реестровый казак или нереестровый, все родные. Мы одна большая семья. Сейчас тот момент, когда мы не на словах, а на деле объединились. У нас и реестровые казаки, и не реестровые – все родные, все свои, неважно из какого субъекта РФ²». Таким образом, обретая свое реальное боевое наполнение идентичностной категории воинов, казачество в потенциале обретает усиливающуюся внутреннюю групповость, подкрепляемую политикой группообразования сверху, формируется тот интегративный потенциал для единства, работа с которым пока только предстоит.

Заключение

Нами были рассмотрены основные элементы формального институционального порядка казачества, а именно: политико-правовой аспект социального знания о нем, идеологическая составляющая, механизмы легитимации и передачи знания (религиозные и образовательные составляющие), формирующиеся экономико-хозяйственные аспекты, специфические культурно-исторические институты общности. Анализ позволяет сделать вывод, что все это в совокупности указывает на ряд институционально запрошенных диспозиций личности, как результата успешной социализации и идентификации казака. Также выявлена роль СМИ и социальных медиа, как одного из ключевых средств легитимации и репрезентации социального

¹ Полевые материалы автора собраны летом 2024 г.

² Кузнецов В. Нас воспринимают как освободителей. URL: <https://kazachestvo.ru/20230523/431123.html?in=t> (дата обращения: 14.01.2025).

знания казачества как общности, в том числе и для внешней среды. Также нами выявлено отсутствие существенных барьеров в институциональных порядках реестрового и нереестрового казачества для интеграции, и в свете актуальных боевых действий, в которых казачество в своем большинстве, организационно и уже институционально представлено, общность потенциально обретает свою историческую роль и новый импульс для интеграции (СВО как кризисное событие для повышения групповости). И в этом смысле методологическая основа социального конструктивизма в отдельных положениях П. Бергера, Т. Лукмана и Р. Брубейкера является адекватным теоретическим инструментом для интерпретации данных процессов. Конечно, не только из различных институционально закрепленных и легитимированных областей знания складывается современный характер казачества как социальной общности, однако этот предъявляемый как норма порядок, являясь продуктом экстернализации акторов, одновременно является и материалом для интериоризации казаками и рамкой, в которой последующие экстернализации могут быть проведены. Несомненно, что внутреннее обыденное, культурное (или в терминах П. Бергера и Т. Лукмана, дотеоретическое) знание имеет значимый вес в процессах социализации казаков, однако закрепленный или закрепляющийся формальный институциональный порядок задает векторы развития новых и реинтерпретации исторически перенятых субуниверсумов знания внутри общности и в конечном счете работает на идеологическом уровне, влияя как на повседневные практики, так и на стратегические ориентиры казачества.

Библиографический список

1. Баранов А. В. Роль кубанского казачества в этнополитических и геополитических процессах в Краснодарском крае // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3. С. 80–89. EDN: YSGBLN.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 334 с.
3. Бредихин А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 6–18. DOI: 10.24411/2070-1381-2017-00016; EDN: YRHFFL.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: ВШЭ, 2012. 408 с.
5. Бугай Н. Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX – XXI вв.). М., 2015. 276 с.
6. Воденко К. В., Иванченко О. С., Шевченко О. М. Боевые традиции казачества в годы Великой Отечественной войны и в современности // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 2. С. 50–70. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4; EDN: EILHPQ.
7. Водолацкий В. П. Казачество в современном обществе: социологическое измерение: дис. д-ра социол. наук. М., 2011. 266 с.

8. Денисова Г. С., Ковалев В. В. Казачество в современной России: обретение социального статуса // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN.
9. Каменцев А. А. «Живы вопреки»: коллективная память казаков в социальных сетях // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4. № 2. С. 16–28. DOI: 10.15826/tetm.2023.2.048; EDN: RCEMIT.
10. Кислицын С. А. Южнорусское казачество и этнополитические конфликты на Дону и Северном Кавказе // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Ростов н/Д: СКАГС, 2003. С. 219–232.
11. Маркедонов С. М. Неоказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5. С. 161–174.
12. Мациевский Г. О. Роль казачества в противодействии экстремизму и этносоциальным конфликтам на Кубани. Краснодар: Парабеллум, 2017. 160 с.
13. Озеров А. А., Хоперская Л. Л. Возрождение казачества: современные методологические и правовые подходы. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2006. 80 с.
14. Озеров А. А. Конструктивистский подход к исследованию истории казачества // Философия права. 2006. № 3. С. 69–74. EDN: IEIEGW.
15. Пузанков И. А. «У казака вся жизнь – война, в казачьем сердце страха нет!», или как сегодня становятся казаками // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 4. С. 41–61. DOI: 10.19181/inter.2022.14.4.3; EDN: ACDNHI.
16. Рвачева О. В. Возрождение казачества на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ: дис...д. ист. н. Волгоград, 2022. 582 с.
17. Рвачева О. В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века. Волгоград: ВолГУ, 2021. 390 с.
18. Рудиченко Т. С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века // Вторичные формы традиционной народной культуры. Краснодар: Традиция, 2010. С. 136–146.
19. Рыблова М. А. Казаки возвращаются! История и судьба одной научной теории // Казачество: прошлое и настоящее. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 278–285.
20. Рыблова М. А. Конструкты, образы и символы «этнического казачьего возрождения» на Юге России // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2017. С. 341–348. EDN: YVNSMS.
21. Таболина Т. В. Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности. М., 1997. 33 с.
22. Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: МЦ Карнеги, 1997. С. 15–43.

23. Тюменцев И. О. Модернизационный потенциал и сценарии развития казачьего движения на Юге России // Современное состояние и сценарии развития юга России. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2006. С. 232–237.
24. Усатов С. В. Правоохранительный потенциал современного казачества // Общество и право. 2010. № 2. С. 296–301. EDN: NDAYGN.
25. Фалалеев А. В. Местное казачье самоуправление: правовые основы, формы реализации, перспективы (на примере Волгоградской области) // Legal Concept. 2012. № 1. С. 67–71. EDN: PBWJKR.
26. Arnold R. Testing Constructivism: Why Not More “Cossacks” in Krasnodar Kray? // Post-Soviet Affairs. Palo Alto, 2014. No. 30(6). P. 481–502. DOI: 10.1080/1060586X.2014.889365.
27. Baranec T. Russian Cossacks in Service of the Kremlin: Recent Developments and Lessons from Ukraine // Russian analytical digest. 2014. No. 153. P. 9–12.
28. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Bondaries». Amsterdam, 1994. P. 11–33.
29. Hamilton D. L., Sherman S. J., Lickel B. Perceiving Social Groups: The Importance of the Entitativity Continuum // Intergroup Cognition and Intergroup Behavior / Ed. by C. Sedikides, J. Schopler, C. A. Insko. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. P. 47–74.
30. Hechter M. Principles of Group Solidarity. Berkeley: University of California Press, 1987. 288 p.
31. Skinner B. Identity Formation in the Russian Cossack Revival // Europe-Asia Studies. 1994. No. 6. P. 1017–1037. DOI: 10.1080/09668139408412214.

Получено редакцией: 06.01.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пузанков Илья Андреевич, аспирант школы по социологическим наукам

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8

A Social Constructivist Approach to the Analysis of the Institutional Order of Modern Cossacks

Ilya A. Puzankov

HSE University, Moscow, Russia

iapuzankov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-4906-7823

For citation: Puzankov I. A. A Social Constructivist Approach to the Analysis of the Institutional Order of Modern Cossacks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8; EDN: ELGUVQ.

Abstract. The paper proposes a constructivist perspective on the institutional nature of the Cossack community and the components of Cossack identity as a whole. The author draws on the concepts of P. Berger, T. Luckmann, and R. Brubaker. Modern Russian Cossacks are presented as a dynamic social community, shaped by historical traditions, the challenges

of the times, and new institutional conditions, that significantly influence their ideological and social self-determination in Russian society. The author examines the political, legal, cultural, historical, economic, and educational aspects of the Cossack community, identifying key mechanisms for the legitimisation of social knowledge and certain components of Cossack identity. The formally established order is viewed as the result of externalisation by actors and the basis for the internalisation of norms by Cossacks. The importance of cultural knowledge in socialisation is also emphasised, as it operates within the framework of institutionally enshrined norms that define the vectors of community development. This study emphasises the pursuit of historical continuity in the sociocultural forms of Cossacks in modern times, resulting in a significant portion of social knowledge being relegitimised and reinterpreted. Following the revival of the Cossacks as a social community that began in the late 1980s, they now appear as a formalised structure integrated into the state system, with significant roles in contemporary socio-political processes. Particular attention is paid to the interaction between registered and non-registered Cossacks, an analysis of regulations governing the activities of Cossack societies, and the influence of religious, educational, and media institutions on the formation of the collective identity of the Cossacks. The mechanisms for the reproduction of traditional Cossack practices are examined, as well as their adaptation to contemporary social and political challenges. The work also addresses the prospect of Cossack participation in the Special Military Operation, that contributes to the restoration of the Cossacks' historical status as a military force. It is noted that, despite the differences between registered Cossack societies and Cossack non-profit organisations, the absence of rigid barriers between them can facilitate their integration and consolidation.

Keywords: cossacks, sociology, registry, institutional order, legitimization, identity, social constructivism, SMO

References

1. Baranov A. V. The Role of the Kuban Cossacks in the Ethnopolitical and Geopolitical Processes in Krasnodar Region. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2018: 3: 80–89 (in Russ.). EDN: YSGBLN.
2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Transl. from Ger. by E. Rutkevich. Moscow, Medium, 1995: 334 (in Russ.).
3. Bredikhin A. V. Ethnosocial Identity of Contemporary Russian Cossacks. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2017: 61: 6–18 (in Russ.). DOI: 10.24411/2070-1381-2017-00016; EDN: YRHFFL.
4. Brubaker R. Ethnicity Without Groups. Transl. from English. Moscow, VSHE, 2012: 408 (in Russ.).
5. Bugai N. F. Cossacks of Southern Russia: Constitutionality, Evolution, Modernity (20th – 21st Centuries). Moscow, 2015: 276 (in Russ.).
6. Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Shevchenko O. M. Combat traditions of the Cossacks in the Great Patriotic War and in modern times. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025: 16: 2: 50–70 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4; EDN: EILHPQ.
7. Vodolatsky V. P. Kazachestvo v sovremennom obshchestve: Sotsiologicheskoe izmerenie [Cossacks in Modern Society: Sociological Measurement]: diss. of dr. of sociol. sci. Moscow, 2011: 266 (in Russ.).
8. Denisova G. S., Kovalev V. V. Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 14–36 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN.
9. Kamentsev A. A. “Alive Despite All the Odds”: Collective Memory of Cossacks in Social Networks. *Tempus et Memoria*, 2023: 4: 16–28 (in Russ.). DOI: 10.15826/tetm.2023.2.048; EDN: RCEMIT.
10. Kislitsyn S. A., Kirichenko A. V., Sholokhov V. A. Yuzhnorusskoe kazachestvo i etnopoliticheskie konflikty na Donu i Severnom Kavkaze [South Russian Cossacks and Ethnopolitical Conflicts in the Don and North Caucasus]. In *Konflikty na Severnom Kavkaze i puti ikh razresheniya* [Conflicts in the North Caucasus and Ways to Resolve Them]. Rostov-on-Don, SKAGS, 2003: 219–232 (in Russ.).
11. Markedonov S. M. Neokazachestvo na Yuge Rossii: ideologiya, tsennosti, politicheskaya praktika [Neo-Cossacks in Southern Russia: Ideology, Values, Political Practice]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*, 2003: 5: 161–174 (in Russ.).
12. Matsievskii G. O. The Role of the Cossacks in Countering Extremism and Ethnosocial Conflicts in Kuban. Krasnodar, Parabellum, 2017: 160 (in Russ.).
13. Ozerov A. A., Khoperskaya L. L. Vozrozhdeniye kazachestva: sovremennyye metodologicheskiye i pravovyye podkhody [The Revival of Cossacks: Modern Methodological and Legal Approaches]. Rostov-on-Don, YUNC RAN, 2006: 80 (in Russ.).

14. Ozerov A. A. Konstruktivistskii podkhod k issledovaniyu istorii kazachestva [Constructivist Approach to Studying Cossack History]. *Filosofiya prava*, 2006: 3: 69–74 (in Russ.). EDN: IEIEGW.
15. Puzankov I. A. “A Cossack’s Whole Life Is War, There Is No Fear in a Cossack’s Heart!” or How They Become a Cossacks Today. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*, 2022: 14(4): 41–61 (in Russ.). DOI: 10.19181/inter.2022.14.4.3; EDN: ACDNHI.
16. Rvacheva O. V. The Revival of Cossacks in the South of Russia in the Soviet Period (Mid-1920s – Early 1940s) and in the Post-Soviet Period (1990s – 2000s): A Historical and Comparative Analysis: diss. of dr. hist. sci. Volgograd, 2022: 582 (in Russ.).
17. Rvacheva O. V. The Revival of Cossacks in Southern Russia in the Late 20th – Early 21st Century. Volgograd, VGU, 2021: 390 (in Russ.).
18. Rudichenko T. S. Traditsionnaya kul’tura donsokikh kazakov i sotsial’nye protsessy kontsa XX – nachala XXI veka [Traditional Culture of Don Cossacks and Social Processes of the Late 20th – Early 21st Century]. In *Vtorichnyye formy traditsionnoy narodnoy kul’tury* [Secondary Forms of Traditional Folk Culture. Krasnodar, Traditsiya, 2010: 136–146 (in Russ.).
19. Ryblova M. A. «Kazaki vozvrashchayutsya!» Istoriya i sud’ba odnoi nauchnoi teory [“Cossacks Are Back!” The History and Fate of One Scientific Theory]. *Kazachestvo: Proshloe i Nastoyashchee*, 2010: 3: 278–285 (in Russ.).
20. Ryblova M. A. Constructs, Images, and Symbols of the “Ethnic Cossack Revival” in the South of Russia. In *Cossacks of Russia in Revolts, Turmoil, and Revolutions (On the Centennial of the 1917 Events)*. Rostov-on-Don, YUNC RAN, 2017: 341–348 (in Russ.). EDN: YVNSMS.
21. Tabolina T. V. Kazachestvo na rubezhe XXI veka: problemy i vozmozhnosti [Cossacks at the Turn of the 21st Century: Problems and Opportunities]. Moscow, 1997: 33 (in Russ.).
22. Tishkov V. Identichnost’ i kul’turnye granitsy [Identity and Cultural Boundaries]. In *Identichnost’ i konflikt v postsovetских gosudarstvakh* [Identity and Conflict in Post-Soviet States]. Moscow, 1997: 15–43 (in Russ.).
23. Tyumentsev I. O. Modernizatsionnyi potentsial i stsennarii razvitiya kazach’ego dvizheniya na Yuge Rossii. [Modernization Potential and Development Scenarios of the Cossack Movement in the South of Russia]. In *Sovremennoe sostoyanie i stsennarii razvitiya yuga Rossii* [Current State and Scenarios of Development of the South of Russia]. Rostov-on-Don, 2006: 232–237 (in Russ.).
24. Usatov S. V. Pravookhranitel’nyy potentsial sovremennogo kazachestva [Law Enforcement Potential of Contemporary Cossacks]. *Obshchestvo i pravo*, 2010: 2: 296–301 (in Russ.). EDN: NDAYGN.
25. Falaleev A. V. Mestnoe kazache samoupravlenie: pravovye osnovy, formy realizatsii, perspektivy (na primere Volgogradskoy oblasti) [Local Cossack Self-Government: Legal Foundations, Forms of Implementation, and Prospects (on the Example of the Volgograd Region)]. *Legal Concept*, 2012: 1: 67–71 (in Russ.). EDN: PBWJKR.
26. Arnold R. Testing Constructivism: Why Not More “Cossacks” in Krasnodar Kray? *Post-Soviet Affairs*. Palo Alto, 2014: 30(6): 481–502. DOI: 10.1080/1060586X.2014.889365.
27. Baranec T. Russian Cossacks in Service of the Kremlin: Recent Developments and Lessons from Ukraine. *Russian analytical digest*, 2014: 153: 9–12.
28. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity. *The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»*. Amsterdam, 1994: 11–33.
29. Hamilton D. L., Sherman S. J., Lickel B. Perceiving Social Groups: The Importance of the Entitativity Continuum. *Intergroup Cognition and Intergroup Behavior*. Ed. by C. Sedikides, J. Schopler, C. A. Insko. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1998: 47–74.
30. Hechter M. Principles of Group Solidarity. Berkeley: University of California Press, 1987: 288.
31. Skinner B. Identity Formation in the Russian Cossack Revival. *Europe-Asia Studies*, 1994: 6: 1017–1037. DOI: 10.1080/09668139408412214.

The article was submitted on: January 6, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Puzankov, graduate student of the School of Sociological Sciences